

УДК 008:001.8
ББК 71п
DOI 10.25281/2072-3156-2022-19-6-564-573

О.Н. АСТАФЬЕВА

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРОЛОГА: ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Ольга Николаевна Астафьева,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Институт государственной службы и управления,
научно-образовательный центр «Гражданское
общество и социальные коммуникации»,
директор
кафедра ЮНЕСКО,
профессор
Вернадского просп., д. 82, стр. 1,
Москва, 119571, Россия

доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области культуры
ORCID 0000-0001-8727-6322; SPIN 2917-4546
E-mail: ONAstafieva@mail.ru

Реферат. Статья актуализирует философско-культурологическое осмысление экспертно-аналитической деятельности, рассматриваемой как особый тип интеллектуального труда и востребованная обществом социальная технология. Раскрывается содержание экспертно-аналитической

деятельности культуролога. Она представлена не только как многопрофильная работа универсального специалиста, разбирающегося во многих областях культуротворчества, но и как научно-исследовательская работа ученого-культуролога, способного выходить на уровень широких теоретических обобщений. Автором предложена типология видов экспертно-аналитической деятельности культурологов, вбирающая более десяти направлений — от экспертизы культурных ценностей, оценки проектов и программ до правовой, гуманитарной и лингвокультурологической экспертизы. Выделяется группа факторов влияния на алгоритм и качество проводимой экспертизы. Раскрывается значение контекста и характеристики социокультурной ситуации в достижении эффективности результатов. Особое внимание направлено на обоснование целеполагания и уровней целесообразности обращения к экспертным процедурам и аналитической работе. Ставится вопрос о создании экспертных команд (когнитивных сообществ) с целью научного анализа, обсуждения и ранжирования социокультурных проблем для принятия стратегических решений как процесса выбора из возможных альтернатив. Показано, что в основу коммуникативной модели экспертного сообщества включены не только процедуры получения знания,

способы передачи и обмена информацией, но и демонстрация смыслов, задающих концептуальные фильтры процессам обсуждения с целью получения объективных и полноценных представлений об объекте экспертизы. В свою очередь, включенность в процесс рефлексии обеспечивает критическую оценку и стимулирует экспертов к собственной интерпретации и принятию решений. Поднимается вопрос о необходимости обучения критическому мышлению и профессиональной подготовки экспертов-культурологов.

Ключевые слова: культурология, культуролог, экспертно-аналитическая деятельность, интеллектуальная деятельность, принятие решений, философия культуры, культура познания и рефлексии.

Для цитирования: Астафьева О.Н. Экспертно-аналитическая деятельность культуролога: целеполагание и интеллектуальные ресурсы принятия решений // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19, № 6. С. 564–573. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-6-564-573.

«УНИВЕРСАЛИЗМ» КУЛЬТУРОЛОГА ИЛИ «УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ» КУЛЬТУРОЛОГИИ

Экспертно-аналитическая деятельность культуролога — особый вид научно-исследовательской работы, связанной с обращением к комплексной системе теоретических, правовых, технологических инструментов анализа, обеспечивающих полноценное представление об оцениваемом объекте в масштабах междисциплинарного подхода, оптимального для принятия решения. В настоящее время анализ и интерпретация текстов культуры многообразных видов (научные, художественные, информационные тексты интернет-пространства и СМИ и др.) представляются в различных формах и форматах — от конкретных экспертных оценок проектов и технологий до фундаментальных экспертных заключений по развитию человеческого потенциала, экспертных докладов и обзоров, влияющих на принятие решений и формирование коллективных суждений.

В большей степени о значимости культурологического дискурса для развития общества, о теоретических работах ученых-культурологов, наделенных критическим мышлением и готовностью к конструктивному действию — принятию решений в разных областях и уровнях институциональной системы, говорят в тех профессиональных сообществах и структурных системах, которым приходилось сталкиваться с необходимостью проведения разных типов гуманитарной или культурологиче-

ской экспертизы. При этом подчеркивается, что динамично возрастающая потребность как в экспертах-практиках, так и в экспертах-интеллектуалах (по типологии, предложенной Л.В. Никифоровой и Е.А. Рудаковой) и запрос общества на экспертно-аналитическую деятельность в рамках повышения интереса к интеллектуальной деятельности в нашей стране в целом предполагают признание за культурологией статуса «универсального эксперта» [1]. Чтобы подобное заявление не носило декларативный характер, считаем, что необходимо дать пояснение, которое содержится в самом определении культурологии — становящегося интегративного направления, в рамках которого исследуется культура как целостность, поскольку весь мир культуры с его нормами и ценностями, смыслами и целями коллективного существования людей выражен в разных формах культуры [2, с. 35].

По этому поводу, в свою очередь, сделаем еще одно дополнение относительно институционализации культурологии в области социально-гуманитарного знания. С начала 1990-х гг. российские ученые социально-гуманитарного профиля, включившись в процесс поиска фундаментальных оснований культурологии, расширения ее категориального аппарата и обоснования универсалий культуры, вывели культурологов на обсуждение фундаментальных вопросов бытия культуры в современном мире. В процессе дискуссий и проведения дисциплинарных демаркаций культурология утвердилась как научная и учебная дисциплина, обрела свое место и укрепила авторитет в экспертно-аналитической сфере профессиональной деятельности.

Одна из причин актуализации философско-культурологического знания на рубеже веков связана с вхождением общества в период, когда стали очевидными усиливающиеся риски давления одномерной стратегии универсализации способов жизни и ценностей культуры, разлом традиций, вспышки фундаментализма и возрастание культа национально-культурной исключительности в мире, считают С.С. Неретина и А.П. Огурцов [3]. Именно в это время универсалистский вектор получает новое звучание — *историко-философское* (как осмысление пути взаимодействия и развития многообразных цивилизаций) и *культурологическое* (выявление способов описания оснований различных культур) [3, с. 963]. Поэтому экспертная деятельность культуролога (экспертные оценки и конкретные решения, стратегии и прогнозы) воспринималась не только как многопрофильная работа универсального специалиста, разбирающегося во многих областях культуротворческой активности людей, но и как научно-исследовательская работа ученого-культуролога, способного выходить на уровень широких обобщений, включаться в область выявления закономерностей социального и куль-

турного, особенностей динамики происходящих процессов и ситуаций, аналитики продуманных по своим стратегическим линиям и тактическим действиям разрабатываемых проектов и программ, перспектив развития общества. Не случайно специалисты говорят о повышении планки требований к современному ученому, который генерирует «новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностнорационального действия» [4, с. 46].

Глубина и точность экспертной проработки объекта культурологического исследования, предоставляемого в виде итогового текста — документа для принятия решения, ориентированы на возможность его понимания относительно последующих действий разного масштаба. И это становится очевидным при его формализации согласно заданным требованиям (экспертное мнение, экспертное заключение, экспертный акт и пр.), что, в свою очередь, не устраняет в представленном тексте (с его выходом к универсальным смыслам) личностной оценки эксперта, сохраняющей следы культуры его критического мышления и философской рефлексии. Применительно к смысловому раскрытию текста в целом работает формула, что «это бесконечный процесс во времени и культуре» [5, с. 170]. По мысли К.-О. Апеля, даже такое понимание «встроенности» экспертной позиции в общий процесс смыслообразования, при соблюдении *критической дистанции* и опоре на собственную рефлексию, позволяет представить результаты своего знания в разных коммуникативных сообщениях [6, с. 253].

Продолжая тему универсализма и универсальности применительно к предмету нашего обсуждения, заметим, что если многогранность исследователя и масштабность результатов его деятельности проявляется преимущественно через область рационального и концептуального мышления [7] (на наш взгляд, дополненного в том числе и опытом), то очевидно, что именно ученый, занимающийся научно-теоретическими исследованиями в области наук о культуре, влияющий на формирование ценностно-смыслового пространства в обществе, выступает также и носителем новой рациональности — интеллектуально и нравственно насыщенной, обретая тем самым способность реализовать себя как универсал в разных видах экспертной аналитики и принятии решений. В то же время из приведенного утверждения следует, что научно-исследовательская работа культуролога при безграничном многообразии объектов и процессов мира культуры не только не исключает поиска новых критериев определения его профессиональных возможностей и задач, но и оправдывает уточнение и/или разработку новой типологии субъектов экспертно-аналитической деятельности.

НАПРАВЛЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ

Выделим ряд основных направлений и типов научной и отраслевой экспертно-аналитической деятельности, где сегодня востребованность культуролога не вызывает сомнения, более того, отвечает характеристикам его специализации и опирается на широкий спектр профессиональных компетенций. Предложенная нами ранее типология [8; 9] стала возможной с учетом коллективных исследований и сегодня уже может быть расширена и структурирована по следующим направлениям:

- ♦ экспертиза культурных ценностей и культурного наследия [10; 11];

- ♦ экспертиза культурно-образовательных, научно-исследовательских и культурно-просветительских проектов, реализуемых в социокультурной сфере [12; 13];

- ♦ экспертная диагностика и проработка конкретных решений в управленческой практике разного уровня стратегирования (от культурной политики до менеджмента организаций) [14; 15];

- ♦ культурологическая экспертиза как часть теоретического моделирования и прогнозирования социокультурного развития: теоретико-методологические основания и критерии [8];

- ♦ экспертиза программ социокультурного развития и комплексных инновационных проектов в культурной политике [16; 17];

- ♦ гуманитарная экспертиза технологических процессов, правовых актов и иных текстов, требующих принятия решения относительно возможных последствий их влияния на общество и личность [18; 19];

- ♦ лингвокультурологическая оценка текстов, экспертиза научных и научно-популярных, литературно-художественных журналов, медиасреды [20; 21; 22];

- ♦ подготовка заключений и участие в работе экспертных и общественных советов по профилю научной специальности;

- ♦ экспертиза образовательных и научно-исследовательских программ и др.;

- ♦ профессиональная аттестация работников сферы культуры, образования, науки, государственных служащих, занимающихся вопросами регулирования сферы культуры на разных уровнях власти;

- ♦ разработка экспертных оценок в фирмах и консалтинговых компаниях, общественных и государственных организациях социокультурной сферы.

Приведенные виды интеллектуальной деятельности культуролога могут быть уточнены, дополнены и структурированы по разным критериям, и это, на наш взгляд, только расширит общую характеристику культурологического знания, как ин-

тегративного по своей сути, включающего в качестве базовых компонентов методологического инструментария универсальность и междисциплинарность.

Постановка вопроса о философско-культурологических основах экспертизы как сферы интеллектуальной деятельности вызвала широкий интерес и способствовала появлению ряда коллективных исследований и монографических изданий, посвященных выявлению специфики экспертизы в социально-гуманитарной сфере [23; 24]. По сравнению с ранее написанными работами экономистов, юристов, педагогов, психологов, медиков и др., как правило, основанных на монодисциплинарных методологиях и разработанных системах показателей в установленных границах оценки, предложенный подход изучения проблем принятия решений с точки зрения организации интеллектуальной деятельности с опорой на философские идеи обеспечил основания для обращения в дальнейшем к междисциплинарной методологии.

Из этого не следует, что специализированная экспертиза оказалась невостребованной, поскольку это не противоречило сущности и сложившемуся пониманию экспертизы, однако в гуманитарной среде наиболее успешно показали себя методы экспертных процедур; на симпозиумах, конференциях, в опросах оттачивались подходы к анализу проблемных полей, поддерживалась рефлексивная среда, что привело к концептуализации идеи интегративного знания как основы культурологической экспертизы.

Подчеркивался практикоориентированный и проектно-регулятивный механизм культурологической экспертизы, отмечалась ее направленность на принятие обоснованных управленческих решений. Так, Г.Л. Тульчинский предложил относить такой тип экспертной деятельности к эффективным социальным технологиям [19]. При этом он выделил несколько уровней, дифференцирующих виды гуманитарной экспертизы:

- ♦ социологический, не исключающий проявления эконоцентризма и политикцентризма, т. е. подмены целостности культуры ее инфраструктурным слоем;

- ♦ культурологический, раскрывающий состояние культурной среды, которая формирует особый тип личности, и гарантирующий условия для сосуществования разных культур и, в зависимости от позиции эксперта, увеличивающий риск перехода к культуроцентризму;

- ♦ антропологический, на котором при рассмотрении условий существования человека как психоматической целостности также необходимы границы от проявлений «человекоцентризма»;

- ♦ персонологический, связанный с выявлением условий и принципов развития и совместного сосуществования личностей, что должно исключать подмену целостной личности инфраструктурой свободы;

- ♦ метафизический — самый глубокий и масштабный, без которого вообще не может состояться ни одна гуманитарная экспертиза, поскольку на этом уровне оценивается проявление свободы как бытия человека и его возможностей [19, с. 60–65].

На наш взгляд, Г.Л. Тульчинскому удалось показать взаимозависимость и взаимообусловленность всех уровней гуманитарной экспертизы, поднять идею соразмерности избираемого подхода исследуемой проблеме и предостеречь от проявлений любых форм абсолютизации при принятии управленческих решений, особенно в тех случаях, когда речь идет об определении границ свободы и ответственности человека, о соотношении социально-культурного как нормативно-ценностного уровня и возможностей его реализации и личностного уровня с его проекцией на область идентификации, деловой активности, вплоть до использования персонал-ориентированных технологий менеджмента [19, с. 60–69].

КРИТЕРИЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

Стимулирование активности культурологов к участию в экспертных процедурах связано, с одной стороны, с позитивной оценкой результатов для общества и потребностей разных институтов в получении заключений, предложений и рекомендаций для принятия решений. С другой стороны, оценка факта включенности ученого-культуролога в экспертные процедуры и осознание им целесообразности обращения к инструменту экспертизы с точки зрения теоретической и практической полезности способствуют укреплению его социального капитала и повышению авторитета в профессиональном сообществе. Это официально фиксируется через системы патентования, правового закрепления по использованию интеллектуальной собственности, выступает показателями состояния научной среды и интеллектуального суверенитета страны [25]. При этом вопрос о включении ученого в экспертные советы и группы, когда обращение к культурологической экспертизе обуславливается разными факторами (государственным заказом, общественными запросами, профессиональными задачами) требует изучения проблемы понимания *целесообразности* выполнения поставленных задач.

Дело в том, что в определенных видах экспертизы текстовых документов (правовых актах, стратегиях социально-экономического развития, планах мероприятий по реализации стратегии и пр.) предполагается понимание экспертом последствий потенциальных действий как итога принятого решения. В связи с этим следует согласиться с точкой зрения В.П. Карпа и А.П. Никитина, определяющих

критерий целесообразности как *меру соответствия выбранного решения заявленной цели*, одновременно признавая несомненную ответственность того субъекта, который формулирует цель, и его способность выразить ее либо в количественных, либо в качественных показателях [26, с. 107].

На наш взгляд, первое условие для оценки целесообразности участия в работе экспертного сообщества — это снятие барьеров и устранение рисков, учет воздействия факторов, влияющих на алгоритм оценивания, а также в целом на результаты интеллектуальной деятельности.

А.С. Автономова и Н.Л. Хананашвили выделяют ряд факторов, от которых зависит алгоритм и качество оценивания, в частности:

- ♦ выбор объекта экспертизы (состояние или процесс) — социокультурный процесс, текст документов, проектов, продуктов, культурных потребностей и др.;
- ♦ определение задач, характера и этапов экспертизы — статическая или динамическая оценка и подготовка рекомендаций;
- ♦ условия, инструменты и методы оценивания [12, с. 121–125].

Заметим, что четкое выполнение условий целеполагания в значительной мере позволяет создать ситуацию достижения ожидаемых эффектов — принятия решения или воздействия на определенные целевые группы.

Однако процесс прохождения экспертных процедур как один из обязательных элементов управленческой системы испытывает давление разного рода условий-рисков, влияющих на возможность получения качественной экспертизы. Следуя задаче определения степени целесообразности обращения к инструментам экспертной деятельности, нами предлагается выделить два уровня факторов, стимулирующих общественный и профессиональный интерес.

На одном из них, условно обозначим его уровнем *кооперации национальных интеллектуальных ресурсов*, целесообразность обращения к экспертным группам (и иным, значительно более масштабным институционализированным структурам) инициируется управленческими полномочиями и обусловлена следующими целями:

- ♦ выявление стратегических рисков и кризисных состояний социокультурной сферы;
- ♦ расширение системы мониторинга информационного (медийного и научного) контента, оценка существующих методологий его создания и технологий интерпретаций, влияющих на состояние коллективной памяти и идентичности;
- ♦ оценка межведомственных программ и проектов и результатов их реализации по решению комплексных проблем, представленных в документах стратегического планирования;
- ♦ потребности в формировании пространств рефлексивной коммуникации экспертов и организа-

ция стратегических сессий с привлечением экспертов разной специализации и межотраслевых компетенций.

Второй уровень образуют факторы, влияющие на систему целеполагания как индивидуальных субъектов — экспертов, так и коллективных — экспертных сообществ, которые составляют следующие группы условий/рисков:

- ♦ слабая концептуализация предметной области, способствующая появлению семантических барьеров;
- ♦ отсутствие общей стратегии или погруженности в алгоритм последующего за экспертизой принятия управленческого решения;
- ♦ рассогласование целей у участников экспертных процедур;
- ♦ отсутствие (или блокирование) систем взаимосвязи экспертных сообществ, включенных в общее предметное пространство оценивания и принятия решений;
- ♦ низкие показатели по фактору применимости экспертных заключений в реальной практике;
- ♦ игнорирование фактора мотивирования для использования экспертами своих интеллектуальных профессиональных ресурсов.

В большинстве случаев целесообразность измеряется глубиной понимания анализируемой проблемы и эффективностью принятых по результатам экспертизы решений. Из многообразия существующих видов оценки эффективности принятия управленческого решения Г.Л. Тульчинский предлагает опираться на три основных вида, ставя экономичность (соотношение затрат к полученным результатам) в качестве приоритетного, а далее — результативность (отношение полученных результатов к целям) и целесообразность (отношение целей к реальным потребностям) [19, с. 59–60]. На наш взгляд, сделанное Г.Л. Тульчинским дополнение относительно значимости промежуточных итогов (как возможности предостеречь от получения неадекватных результатов в целом) имеет особую значимость для понимания целесообразности экспертных процедур в ситуации «смысловой неопределенности».

Это концептуальное понятие, предложенное И.В. Кондаковым [27], заостряет внимание экспертов на внутренних и внешних факторах динамики культуры, которые необходимо учитывать в контексте рассуждений об оценке и реалистичности результатов разных видов культурологической экспертизы. Ее проведение осложняется условиями «смысловой неопределенности» — ситуациями, возникающими в результате воздействия на культуру механизмов деструктивной напряженности, не включающих действия разрушительных процессов расщепления смыслов и поэтапного распада ментальности, поскольку «системообразующее “ядро” культуры вытесняется аморфным “комом” амбива-

лентных смыслов и ориентаций, в принципе не способным организовать культуру как целое и структурировать ее» [27, с. 19].

В таких условиях одним из видов интеллектуальной деятельности является определение способов отбора объектов анализа и методов интерпретации. Л.А. Микешина предлагает опираться на сложившиеся философско-культурологические концепции, в которых выявлена специфика анализа процессов в культуре, что позволяет либо исходить из хронологической последовательности фактов и опираться на историю, либо обращаться к такому типу интерпретации, который соответствует эволюционизму, либо, наконец, рассматривать развитие культуры как формальный процесс, где явления представлены во временном, структурном и функциональном аспектах [5, с. 171].

В первом случае экспертиза, учитывая сложный контекст, предлагает механизмы преодоления неопределенности на пути к достижению целостности либо отвергает саму целесообразность проведения экспертизы в данной ситуации. Более того, в таких условиях качество и эффективность экспертной аналитики не в последнюю очередь зависят от способности критического мышления и его практической направленности на обоснование идей и их аргументацию, характеристику контекста и саморефлексию интеллектуальной деятельности [28, с. 19–20], а также на навыки мыслить интуитивно, поскольку в кризисных ситуациях или в неустойчивых социокультурных средах, когда имеется дефицит времени или информации, отсутствуют результаты аналитики и диагностики, в конечном счете — не задан формализованный порядок принятия управленческих решений, универсальность эксперта проявляется со всей очевидностью.

Во втором случае обращение к методу интерпретации выступает начальным этапом интеллектуальной экспертной процедуры, способной повлиять на принятие решения, поскольку определение, какими темпоральными процессами «будет представлено само временное отстояние события-текста (автора) и события-истолкования (интерпретатора) — от этого также, по-видимому, будет содержательно зависеть интерпретативная деятельность» [5, с. 172].

Добавим, что в третьем случае (и он — не самый редкий) речь идет о динамике смыслового толкования явлений и процессов в культуре, о целесообразности обращения к таким видам научно-исследовательской работы, которые обосновывают актуальность понимания процесса (интуиция, предположение, размышление, мнение), а не столько о самом факте подготовки итогового экспертного заключения, ибо их интенциональность очевидна по нацеленности автора на принятие конкретного решения, контуры вариантов которого эскизно намечаются.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ

Сохраняющийся дефицит качества управления в социокультурной сфере объясняется не только сложностью процессов и подчас непредсказуемостью их последствий, но и низким интересом структур управления к экспертному культурологическому сообществу, что не в последнюю очередь связано с его затянувшимся институциональным становлением, о котором мы упоминали.

Тем не менее за последние десятилетия не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в большинстве регионов России созданы экспертные группы, которые составляют ядро научных культурологических школ, формирующих интеллектуальный каркас территории, придающий устойчивость сложившимся исследовательским направлениям и формирующимся экспертным институтам. В большинстве случаев системообразующим фактором выступает образовательная и научная среда региональных организаций социокультурной сферы. В зависимости от ситуации из ученых, преподавателей, менеджеров собираются экспертные команды (когнитивные сообщества) с целью научного обсуждения социокультурных проблем и принятия решений в процессе выбора из возможных ими выявленных альтернатив. Реже они существуют и работают на постоянной основе: единичны факты создания таких экспертных групп даже по вопросам стратегирования социокультурного развития, культурной политики, проектирования, межкультурного взаимодействия и др. Не выработана система привлечения к экспертной деятельности региональных отделений Российского культурологического общества, которое представляет собой мощный интеллектуальный ресурс страны. Соответственно, заложенная в основе эффективности региональных экспертных групп коммуникативная модель культурной политики только ждет своего внедрения. Сведение взаимодействия специалистов до уровня передачи и обмена информацией абсолютно недостаточно. В качестве основной цели экспертной деятельности выступает достижение консенсуса и демонстрация смыслового единства, задающего концептуальные фильтры для принятия решения, являющегося наиболее адекватным социокультурной ситуации. В свою очередь, включенность в процесс рефлексии обеспечивает критическую оценку и стимулирует экспертов к собственной интерпретации и вариативности предложений. Поэтому на экспертных сессиях в процессе критического обсуждения альтернатив, обоснования доводов и обмена научной информацией может быть достигнута эффективность выбора обоснованного решения. Инструмент

экспертных сетевых сессий — научная коммуникация, ориентированная на синергетический эффект.

Экспертные группы, формирующиеся вокруг органов власти и представляющие интеллектуальные ресурсы территории на всех уровнях и во всех сообществах, медленно обновляются, поскольку обучение экспертной аналитике и критическому мышлению, как видам интеллектуальной управленческой деятельности, остается одной из нерешенных проблем в системе высшего образования на местах. Как правило, в образовательных программах по подготовке специалистов гуманитарного профиля, в том числе культурологов, обучение экспертно-аналитической деятельности рассматривается в контексте дисциплин прикладного направления базового вида деятельности, вокруг которого разворачивается процесс обучения (управление, проектирование, музейное и театральное дело, реставрация и т. д.), в редких случаях экспертиза представлена как самостоятельная учебная дисциплина. Однако обучение методам теории принятия решений в контексте организации интеллектуальной деятельности, а также освоение методологии критического мышления и экспертного анализа текста не одно десятилетие показывает свою эффективность в самых разных областях — менеджменте, стратегическом управлении, системах государственного регулирования, в организационных бизнес-структурах [29].

Сохраняет актуальность вопрос о потребности в сетевых экспертных сообществах и специфике регламентирования их деятельности, особенно в интернет-пространстве и медиаресурсах [30]. Тема формирования экспертно-аналитической гражданской сети поднимается в развернутом исследовании [12], которое раскрывает ценностные основания управленческой культуры и технологические формализованные процедуры для проведения проектной экспертизы.

На наш взгляд, поиск мотивирующих оснований для привлечения к экспертной деятельности представителей молодого поколения ученых и обучение гуманитарным технологиям целесообразно начать с формирования коммуникативных и эффективных пространств. Обратим внимание на обсуждение вопроса о расширении экспертных полномочий в принятии решений относительно качества объектов научно-исследовательского и проектного направления деятельности, о разных формах стимулирования и побудительных причинах действия эксперта.

Своевременно ли и корректно говорить о «самоценности» факта причастности ученого к экспертному сообществу и процедурам оценивания?

Отвечая положительно, приведу один из возможных вариантов ответа на поставленный вопрос. Так, по мнению В.В. Ильина, в зависимости от характера действия (в обсуждаемом нами случае —

экспертная деятельность, которая может быть отнесена к ценностнорациональным действиям) в качестве побудительной подосновы выступают абсолютные значимости. В.В. Ильин утверждает: «В перечне интерпретаций деятельностных побуждений, очерчивающих детерминистскую канву человеческих самоутверждений, как хорошо видно, фигурируют соответствующие субъективному значению стимулы значимости. Аккумуляция и агрегация их влечет консолидирующую стереотипизацию, на данном основании Вебер вводит генерализацию “идеальный тип”», расширившую теорию понимания действий [31, с. 237]. И такое планирование *демонстрации собственной своей самооценности* порождает только одно — «восторг сопричастия» [31, с. 237], одновременно стимулируя к коммуникациям в интеллектуальной среде, хотя, по точному замечанию Р. Коллинза, не мыслители предшествуют общению, а «сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов» [32, с. 31].

Встраиваясь в смысловую структуру научной деятельности, коммуникативная активность ученого становится значимой частью творческого процесса и характеристикой его личностного становления, а сетевая *интеллектуальная коммуникация — особой ценностью, образом жизни и стилем творческой самореализации* [33], в конечном счете — показателем свободы и открытости эксперта к взаимодействию, его активной жизненной позиции и гражданской зрелости.

Список источников

1. Никифорова Л.В., Рудакова Е.А. Особенности экспертного знания и культурологическая экспертиза // Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и прикладной опыт : коллективная монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2011. С. 57–64.
2. Флиер А.Я. Нормативная теория культуры в тезисах // Культурология: имя собственное : (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера) : коллективная монография. Москва : Согласие, 2021. С. 21–43.
3. Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2006. 1000 с.
4. Степин В.С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки. Москва : Academia, 2008. С. 21–47.
5. Микешина Л.А. Интерпретация как конститутивное условие и базовая операция познания // Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция : коллективная монография. Москва : РОССПЭН, 2014. С. 149–187.
6. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Трансформация философии. Москва : Логос, 2001. С. 237–262.
7. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека. Москва : Республика, 2003. 493 с.

8. Астафьева О.Н. Экспертно-аналитическая деятельность как системно-структурированное знание // Культурологическая экспертиза : теоретические модели и прикладной опыт : [коллективная монография]. Санкт-Петербург : Астерион, 2011. С. 7–29.
9. Экспертно-аналитическая деятельность в структуре профессиональных компетенций // Культура и культурная политика. Вып. 6–7: Народная культура и молодежь...; Экспертно-аналитическая деятельность в структуре профессиональных компетенций... Москва, 2009. С. 9–100.
10. Шестаков В.А. Церковные ценности в музейном хранении // Культурологическая экспертиза : теоретические модели и практический опыт : [коллективная монография]. Санкт-Петербург, 2011. С. 87–99.
11. Рыбак К.Е. Теория и практика комплектования музейных фондов: анализ методологической и нормативной базы (1917–1991). Москва, 2021. 198 с.
12. Автономов А.С., Хананашвили Н.Л. Оценка социальных проектов : учебное пособие. Москва : Юрист, 2014. 240 с.
13. Никонова А.А. От экспертизы культурного наследия к экспертизе культурных проектов : Из опыта экспертиз музейных проектов // Философия и культурология в современной экспертной деятельности : коллективная монография. Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. С. 233–241.
14. Кривич Н.А. Экспертная деятельность: процедурно-документационное сопровождение // Культурологическая экспертиза : теоретические модели и практический опыт : [коллективная монография]. Санкт-Петербург : Астерион, 2011. С. 109–120.
15. Листвина Е.В. Культурологическая экспертиза как инструмент публичной политики // Культурологическая экспертиза : теоретические модели и практический опыт : [коллективная монография]. Санкт-Петербург : Астерион, 2011. С. 120–131.
16. Аванесова Г.А. Социокультурная экспертиза общественных проектов и программ в регионах РФ: вопросы теории и методологии // Культура и культурная политика. Вып. 6–7: Народная культура и молодежь...; Экспертно-аналитическая деятельность в структуре профессиональных компетенций... Москва, 2009. С. 52–60.
17. Астафьева О.Н., Протасевич А.Р. Культурная столица России — инструмент модернизации городов // Государственное управление и развитие России: национальные цели и институты : сборник статей. Москва, 2019. Т. 1. С. 264–273.
18. Гудима Т.М. Обсуждение закона о культуре и экспертиза законодательной деятельности // Философия и культурология в современной экспертной деятельности : коллективная монография. Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. С. 125–134.
19. Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Философия и культурология в современной экспертной деятельности : коллективная монография. Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. С. 57–73.
20. Бешукова Ф.Б., Меретукова Б.А. Лингвокультурологический аспект функционирования медиатекста в современном информационном обществе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2010, № 3. С. 59–65.
21. Сайко Е.А. Художественная критика в аспекте экспертно-аналитической деятельности // Культура и культурная политика. Вып. 6–7: Народная культура и молодежь...; Экспертно-аналитическая деятельность в структуре профессиональных компетенций... Москва, 2009. С. 85–91.
22. Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шибеева Е.А. Гуманитарные журналы в системе межкультурных научных коммуникаций: библиометрический анализ и его интерпретация // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 6. С. 640–651. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-6-640-651.
23. Культурологическая экспертиза : теоретические модели и прикладной опыт : [коллективная монография] / автор-сост. Н.А. Кривич. Санкт-Петербург : Астерион, 2011. 364 с.
24. Философия и культурология в современной экспертной деятельности : коллективная монография. Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. 508 с.
25. Неретин О.П. Интеллектуальный суверенитет экономики России : монография. Москва : Федеральный институт промышленной собственности, 2022. 252 с.
26. Карп В.П., Никитин А.П. Интуитивное и логическое в задачах распознавания и принятия решений // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 5, № 3. С. 104–120.
27. Кондаков И.В. «Смысловая неопределенность» как феномен культуры // Мир культуры и культурологии : Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017–2018. Вып. 6. С. 18–23.
28. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность : монография. 2-е изд. Москва, 2009. 272 с.
29. Сорина Г.В. Экспертный анализ текста: методология и практика : учебное пособие. Москва, 2017. 182 с.
30. Губанов Д.А., Коргин Н.А., Новиков Д.А., Райков А.Н. Сетевая экспертиза. Москва : Эгвес, 2010. 168 с.
31. Ильин В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis* : монография. Москва, Проспект, 2016. 272 с.
32. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения : (фрагменты из книги) / пер. Н.С. Розова // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3, № 3. С. 24–51.
33. Астафьева О.Н. Личность ученого в системе научных коммуникаций (часть II, окончание) // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12, № 4. С. 111–122.

Culturologist's Expert-Analytical Activity: Goal-Setting and Intellectual Resources of Decision-Making

Olga N. Astafyeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Building 1, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia
ORCID 0000-0001-8727-6322; SPIN 2917-4546
E-mail: ONAstafieva@mail.ru

Abstract. The article actualizes the philosophical and culturological understanding of expert-analytical activity, considered as a special type of intellectual activity and a social technology in demand by society. The author defines the content of culturologist's expert-analytical activity. It is represented not only as a multidisciplinary work of a universal specialist versed in many areas of cultural creativity, but also as a research work of a culturologist capable of reaching the level of broad theoretical generalizations. The author proposes a typology of expert-analytical activities of culturologists, which includes more than ten directions – from the examination of cultural values, legal expertise, evaluation of projects and programs to the humanitarian and linguoculturological expertise. There is identified a group of factors influencing the algorithm and the quality of the examination conducted by researchers. The article reveals the meaning of the context and characteristics of the socio-cultural situation in achieving the effectiveness of results. The author focuses on substantiating the goal-setting and the levels of expediency of invoking expert procedures and analytical work. There is raised the question of creating expert teams (cognitive communities) for the purpose of scientific analysis, discussion and ranking of socio-cultural issues for strategic decision-making as a process of choosing from potential alternatives. The article shows that the basis of the expert community's communicative model includes not only the procedures for obtaining knowledge, methods of transmitting and exchanging information, but also the demonstration of meanings that set conceptual filters for discussion processes in order to obtain objective and full-fledged ideas about the object of expertise. In turn, the involvement in the reflection process provides a critical assessment and stimulates the experts to their own interpretation and decision-making. There is raised the question of the need for teaching critical thinking and professional training of expert culturologists.

Key words: culturology, culturologist, expert-analytical activity, intellectual activity, decision-making, philosophy of culture, culture of cognition and reflection.

Citation: Astafyeva O.N. Culturologist's Expert-Analytical Activity: Goal-Setting and Intellectual Resources of Decision-Making, *Observatory of Culture*, 2022, vol. 19, no. 6, pp. 564–573. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-6-564-573.

References

1. Nikiforova L.V., Rudakova E.A. Expert Knowledge Features and Culturological Expertise, *Culturological Expertise. Theoretical Models and Applied Experience: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, pp. 57–64 (in Russ.).
2. Flier A.Ya. Normative Theory of Culture in Theses, *Culturology: Proper Name: (To the 70th Anniversary of Andrey Yakovlevich Flier): collective monograph*. Moscow, 2021, pp. 21–43 (in Russ.).
3. Neretina S.S., Ogurtsov A.P. *Paths to Universals*. St. Petersburg, 2006, 1000 p. (in Russ.).
4. Stepin V.S. Evolution of the Ethos of Science: From Classical to Post-Non-Classical Rationality, *The Ethos of Science*. Moscow, 2008, pp. 21–47 (in Russ.).
5. Mikeshina L.A. Interpretation as a Constitutive Condition and Basic Operation of Cognition, *Modern Methodological Strategies: Interpretation. Convention: collective monograph*. Moscow, 2014, pp. 149–187 (in Russ.).
6. Apel K.-O. The Transcendental-Hermeneutic Concept of Language, *Transformation of Philosophy*. Moscow, 2001, pp. 237–262 (in Russ.).
7. Dewey J. *Reconstruction in Philosophy. Human Problems*. Moscow, 2003, 493 p. (in Russ.).
8. Astafyeva O.N. Expert-Analytical Activity as System-Structured Knowledge, *Culturological Expertise. Theoretical Models and Applied Experience: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, pp. 7–29 (in Russ.).
9. Expert-Analytical Activity in the Structure of Professional Competencies, *Culture and Cultural Policy. Iss. 6–7: Folk Culture and Youth...; Expert-Analytical Activity in the Structure of Professional Competencies...*, 2009, pp. 9–100 (in Russ.).
10. Shestakov V.A. Church Valuables in Museum Storage, *Culturological Expertise. Theoretical Models and Applied Experience: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, pp. 87–99 (in Russ.).
11. Rybak K.E. *Theory and Practice of Museum Collections Acquisition: Analysis of the Methodological and Regulatory Framework (1917–1991)*. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2021, 198 p. (in Russ.).
12. Avtonomov A.S., Khananashvili N.L. *Evaluation of Social Projects: textbook*. Moscow, 2014, 240 p. (in Russ.).
13. Nikonova A.A. From the Expertise of Cultural Heritage to the Expertise of Cultural Projects: From the Experience of the Expertise of Museum Projects, *Philosophy and Cultural Studies in Modern Expert Activity: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, pp. 233–241 (in Russ.).
14. Krivich N.A. Expert Activity: Procedural and Documentation Support, *Culturological Expertise. Theoretical Models*

- and Applied Experience: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, pp. 109–120 (in Russ.).
15. Listvina E.V. Culturological Expertise as a Tool of Public Policy, *Culturological Expertise. Theoretical Models and Applied Experience: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, pp. 120–131 (in Russ.).
16. Avanesova G.A. Socio-Cultural Expertise of Public Projects and Programs in the Regions of the Russian Federation: Issues of the Theory and Methodology, *Culture and Cultural Policy*, iss. 6–7: *Folk Culture and Youth...; Expert-Analytical Activity in the Structure of Professional Competencies...* Moscow, 2009, pp. 52–60 (in Russ.).
17. Astafyeva O.N., Protasevich A.R. The Cultural Capital of Russia as an Instrument of Urban Modernization, *Public Administration and Development of Russia: National Goals and Institutions: collected articles*. Moscow, 2019, vol. 1, pp. 264–273 (in Russ.).
18. Gudima T.M. Discussion of the Law on Culture, and Examination of the Legislative Activity, *Philosophy and Cultural Studies in Modern Expert Activity: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, pp. 125–134 (in Russ.).
19. Tulchinsky G.L. Review of the Humanities as a Social Technology, *Philosophy and Cultural Studies in Modern Expert Activity: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, pp. 57–73 (in Russ.).
20. Beshukova F.B., Meretukova B.A. Linguoculturological Aspect of Functioning of the Media Text in a Modern Information Society, *The Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and the Arts*, 2010, no. 3, pp. 59–65 (in Russ.).
21. Saiko E.A. Art Criticism in the Aspect of Expert-Analytical Activity, *Culture and Cultural Policy*, iss. 6–7: *Folk Culture and Youth...; Expert-Analytical Activity in the Structure of Professional Competencies...* Moscow, 2009, pp. 85–91 (in Russ.).
22. Astafyeva O.N., Nikonorova E.V., Shibaeva E.A. Humanitarian Journals in the System of Intercultural Scientific Communications: Bibliometric Analysis and its Interpretation, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 6, pp. 640–651. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-6-640-651 (in Russ.).
23. Krivich N.A. (ed.) *Culturological Expertise. Theoretical Models and Applied Experience: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, 364 p. (in Russ.).
24. *Philosophy and Cultural Studies in Modern Expert Activity: collective monograph*. St. Petersburg, 2011, 508 p. (in Russ.).
25. Neretin O.P. *Intellectual Sovereignty of the Russian Economy: monograph*. Moscow, 2022, 252 p. (in Russ.).
26. Karp V.P., Nikitin A.P. The Intuitive and Logical in Recognition and Decision-Making Tasks, *Epistemology and Philosophy of Science*, 2005, vol. 5, no. 3, pp. 104–120 (in Russ.).
27. Kondakov I.V. “Semantic Uncertainty” as a Cultural Phenomenon, *The World of Culture and Cultural Studies: Almanac of the Scientific and Educational Cultural Society of Russia*. St. Petersburg, 2017–2018, issue 6, pp. 18–23 (in Russ.).
28. Sorina G.V. *Decision-Making as an Intellectual Activity: monograph*. Moscow, 2009, 272 p. (in Russ.).
29. Sorina G.V. *Expert Text Analysis: Methodology and Practice: textbook*. Moscow, 2017, 182 p. (in Russ.).
30. Gubanov D.A., Korgin N.A., Novikov D.A., Raikov A.N. *Network Expertise*. Moscow, 2010, 168 p. (in Russ.).
31. Ilyin V.V. *Theory of Knowledge. Philosophy as Justification of Absolutes. In Search of Causa Finalis: monograph*. Moscow, 2016, 272 p. (in Russ.).
32. Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change (excerpts from the book), *Personality. Culture. Society*, 2001, vol. 3, no. 3, pp. 24–51 (in Russ.).
33. Astafyeva O.N. Scientist's Personality in the System of Scientific Communications (Part II, End), *Personality. Culture. Society*, 2010, vol. 12, no. 4, pp. 111–122 (in Russ.).